

А.Ципко

О РАЗЛИЧИЯХ В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИФИКАЦИЙ

Понять проблемы и противоречия новой российской национальной идентификации легче всего на фоне процессов формирования новой украинской национальной идентификации.

Великорусский сепаратизм создал политические условия для победы идеи украинской самостийности. Но и великорусский сепаратизм, и украинская самостийность могут существовать только при жестком обособлении от общерусских корней, при акценте на этнографических особенностях своего народа.

Новая русская идентификация не является прямым продолжением ни допетровского «московитского» самосознания, ни дооктябрьской имперской российской национальности. Как это ни покажется странным, но именно в новой российской национальной идентификации конца XX – начала XXI века этническое великорусское начало превалирует и над религиозным православным самосознанием, и над сохраняющимся ощущением общих древнерусских корней. Новая российская национальная идентификация, по крайней мере, по замыслу её создателей, является своеобразной смесью великорусского этноцентризма и эгоизма с традиционным державным компонентом, с ощущением гордости за величие своей страны, ее военную мощь, необъятные просторы. Замечу сразу, что этот державный компонент начисто отсутствует в украинском национальном самосознании. Отсутствие государственнической идентификации, как сейчас пишут на Украине, является наиболее слабым местом национального самосознания малороссов.

И в первом и во втором случае поиски новой национальной и государственной идентификации связаны с сепаратистскими настроениями, со стремлением обособить часть от общего целого, сделать акцент на особенном, специфическом. При рассмотрении всех проблем, связанных с формированием новой российской национальной идентификации необходимо помнить, что основной причиной распада СССР был великорусский сепаратизм, как будет показано дальше, инстинктивное стремление великорусской национальной интеллигенции и великорусской партийной элиты вернуться в доимперскую эпоху, создать национальное государство великороссов по образу и подобию национального государства поляков, чехов, венгров и т.д. Но все же складывается впечат-

ление, что идея украинской самостоятельности оказалась сильнее, более укорененной, чем идея великорусского сепаратизма.

Мечта советских русофилов о превращении СССР в национальное государство русских уже потерпела поражение. В то время как этническое национальное самосознание украинцев, существующее до распада СССР преимущественно в Галиции, начинает свою экспансию и на просторах Восточной Украины, вытесняя старую, советскую, во многом территориальную украинскую идентификацию. Украинизация Украины становится историческим фактом, несмотря на то, что она происходит во многом насильственно, с использованием административного фактора. В то же время, выдвинутый в конце 80-х – начале 90-х план о воссоздании на основе бывшей РСФСР великорусской национальной республики осуществляется с трудом. Как выясняется, лозунг «Россия для русских» был не только реакционным и антигосударственным, но и утопическим. Новая российская идентификация сталкивается с наследством русского имперского самосознания, берущего за основу религиозный и языковой фактор. Все более явственной становится ярко выраженная многонациональная природа нового русского государства. Украина же действительно формируется как национальное государство, близко к тому, как, к примеру, становится на ноги новая независимая Эстония. А новая Россия, несмотря на этноцентристский порыв конца 80-х – начала 90-х, все равно остается империей.

Все бывшие советские республики, ставшие независимыми государствами, являются новыми государствами, отягощенными советским наследством, так как появились на свет из-под обломков СССР. Но все же преемственность, к примеру, между довоенной Эстонией и посткоммунистической Эстонией куда выше, чем преемственность между царской Россией и Российской Федерацией. Трудно говорить о какой-либо государственной преемственности между независимой Украиной времен Центральной Рады и Директории 1918-1920 годов и нынешней Украиной, сформировавшейся в своих нынешних границах в советскую эпоху.

Но все же нынешняя независимая Украина вырастает из того же стремления к государственному самоопределению украинцев, из старой мечты о национальной государственности, из которой родились и Центральная Рада Винниченко, и Директория Скоропадского. И совсем не случайно идеологами и первой, и второй, и нынешней украинской государственности были одни и те же украинофилы, одни и те же видные деятели Кирилло-Мефодиевского Братства: Шевченко, Кулиш, Костомаров и их последователи Драгоманов, Грушевский.

Весь парадокс состоит в том, что за идеей превращения бывшей РСФСР в независимое государство не было сколько-нибудь серьезной идеологии, кроме названного выше инстинктивного ве-

ликорусского сепаратизма. Русофильство почвенников типа Балашова или Белова, мечтающих о том, чтобы великороссы имели и свою национальную Академию наук, и свои национальные школы было не столько идеологией, сколько проявлением великорусских разрушительных инстинктов, полным отсутствием понимания и природы российского государства, и самого слова «российский». Сама идея суверенизации РСФСР была свидетельством духовной деградации советской почвеннической идеологии.

За идеей же самостийности во всех ее вариантах – и в этнокультурном Кирилло-Мефодиевском, и в вульгарном русофобском – стояла одна и та же мечта о своем собственном национальном государстве. За идеей суверенизации РСФСР, напротив, стояла только страсть разрушения своего национального государства и желание уничтожить то, что создавалось веками. Нельзя сказать, что партийная элита УССР, добивающаяся распада СССР, думала серьезно о тех экономических и геополитических проблемах, с которыми столкнется новая независимая Украина. Никто не предполагал, что так глубоко зайдут процессы маргинализации и социальной деградации в новом украинском государстве. Новая Украина сейчас потому и зашаталась, что не в состоянии решить экономическую проблему. Политическая же элита РСФСР вообще ни о чем не думала, ею двигало только желание разрушить СССР и только для того, чтобы вырвать трон из-под Горбачева. Демократическая элита РСФСР, которая оседлала лозунг суверенизации, не думала всерьез о демографических ресурсах нового государства, о возможности без украинцев и белорусов дальше осваивать и даже сохранять Сибирь. Демократическая элита РСФСР отдала ни за что ни про что громадные минеральные ресурсы Каспия, Каракумов в руки лидеров национальных республик, а на самом деле в руки трансатлантических корпораций. Демократическая элита РСФСР не думала о последствиях утраты геополитических преимуществ СССР. Ею двигал только инстинкт саморазрушения.

На всем, что связано с идеей превращения РСФСР в независимое государство лежит печать духовной и политической деградации, поражения, откровенного забвения национальных государственных интересов России.

Провозглашение РСФСР независимым государством означало смерть коммунистической России, которая была наследницей царской империи. Провозглашение РСФСР независимым государством в ее административных границах означало, по сути, перечеркивание усилия и российских царей, и советских лидеров по созданию России как самодостаточной и с точки зрения военной, и с точки зрения экономической территории. И царская Россия, и коммунистическая Россия обеспечивали себе естественный выход на Запад, безопасность границ. Решающее значение здесь имело воссоединение в конце XVIII века великороссов и белорусу-

сов. Еще большую роль в обеспечении геополитической устойчивости российского государства имело воссоединение в середине XVII века Украины и московского царства, что означало возвращение России в ее историческую Колыбель, к границам территории Киевской Руси.

Превращение РСФСР в независимое государство и соответственно смерть исторической России означало исчезновение с карты мира государства восточных православных славян. Царская Россия и коммунистическая Россия были, прежде всего, государством объединенных православных славян, составляющих подавляющее большинство населения. Хотя, на мой взгляд, решение Сталина присоединить Западную Украину с СССР, к семье славянских народов была ошибкой. Население Западной Украины на протяжении нескольких первых десятилетий XX века воспитывались в антирусском, «антимосковском» духе. Скорее всего, имеет серьезные основания точка зрения, что не только по именам, но и по крови, по вере, по культуре Галиция и Украина менее близки между собой, чем Украина и Великороссия.

Включение Западной Украины в состав СССР было миной замедленного действия, которая должна была привести сначала к «галицизации» украинской элиты, а затем к провозглашению независимой Украины. Не случайно духовным лидером нового независимого украинского государства был «галициец» Чорновил.

Российская Федерация во многих отношениях качественно отличается от исторической погибшей России. Она уже не является союзом православных славян, которые раньше образовывали ядро государства, а, прежде всего, союзом великороссов с тюркскими, прото-тюркскими и угро-финскими народами. В территориальном и в этническом отношении новая Россия является, прежде всего, азиатским государством, прежде всего союзом великороссов с тюрками. Несмотря на то, что великороссы по паспорту составляют около 80% населения, Россия не может называться государством русских. Тюркские и угро-финские народы здесь живут на своих исконных землях, которые составляют значительную часть территории Российской Федерации.

Новая Украина, в отличие от новой России, несмотря на существенные различия между западными и восточными украинцами, все же может привязать свою государственную идентификацию к языку, к исходным фольклорным основам народной жизни. Новая же Россия, как выяснилось, никак не может связать свою идентификацию ни с русским этносом, ни с русским языком по той простой причине, что она является многонациональным, многоязычным государством. Украинизация Украины не вызывает серьезного сопротивления даже у этнических русских, которые

сравнительно быстро осваивают «рідну мову». Хотя, конечно ускоренная, во многом насильственная украинизация Украины сопряжена со многими конфликтами и личными драмами.

Попытка же трактовать Российскую Федерацию как государство великороссов, ограничивать обучение в национальных республиках на родном национальном языке неизбежно приведет к распаду новой России.

Необходимо сказать, что рост сепаратистских настроений в мусульманских республиках Северного Кавказа, в Татарии, Башкирии во многом обусловлен ошибочной национальной политикой Ельцина, который был стихийным сторонником русификации Российской Федерации. Ельцин и, прежде всего, молодые реформаторы, страдающие инстинктивной тюркофобией, не смогли и не хотели вовлечь представителей национальных республик в строительство новой демократической России, дать тюркским народам ощущение, что новая Россия на равных правах принадлежит им, как и великороссам, что Россия действительно является общим домом для всех своих народов и на равных принадлежит им. В этом отношении национальная политика большевиков куда больше соответствовала природе российского государства, чем национальная политика демократов.

К сожалению, и у Путина нет своей национальной политики, у нового руководителя страны нет понимания того, что основным условием возрождения России является формирование наднациональной элиты.

Новая Россия, которая сохранила все основные колониальные завоевания царской России, по самой своей природе не может, не имеет права идентифицировать себя с великорусским этносом, несмотря на то, что он сыграл решающую роль в формировании нашего государства. Национальная, этническая идентификация была чуждой для империи, она противоестественна и для новой России.

Во многом противоположная ситуация складывается на новой Украине. Нынешняя украинская идентификация является прямым продолжением этнической и языково-фольклорной идентификации украинской нации, которая начала активно формироваться уже с середины XIX века. Это связано с тем, что украинский язык сформировался, прежде всего, как народный, крестьянский язык. К примеру, для Михаила Грушевского понятия «крестьянство» и «украинство» было синонимами. Идеализация фольклора и родила украинофильство, а затем и идею государственной самостоятельности Украины. Украинский язык формируется как крестьянский язык в противовес русскому, барскому языку. И именно по этой причине с самого начала украинская культурная, а затем и государственная идентификация, обладает чертами антирусского, антимосковского характера.

С самого начала украинская национальная культура и украинская национальная идентичность в том виде, в котором они формировались в конце XIX – начале XX вв. была максимально приближена к самосознанию, менталитету, складу души народных крестьянских масс. И этот момент является решающим в понимании украинской национальной идентичности. В украинском языке сильнее, чем в русском, звучит народная душа. Важно учитывать, что нынешний русский или общерусский литературный язык сформировался во время реформ Петра под влиянием староукраинского языка. «Царь Петр поставил себе целью европеизировать русскую культуру. Ясно, что для выполнения этой задачи могла быть пригодна только западнорусская, украинская редакция русской культуры, уже впитавшая в себя некоторые элементы европейской культуры (в польской редакции этой последней) и проявлявшая тенденцию к дальнейшей эволюции в том же направлении» (Кн. Н.С. Трубецкой).

Таким образом, украинская и культурная, и национальная идентификация конца XIX формировались в противовес общерусской культурной идентификации и были с самого начала тесно связаны с так называемым вторым фольклорным слоем западнорусской или южнорусской культуры. Примечательно, что Николай Костомаров, который одним из первых обосновывал историческое, культурное и этническое своеобразие нынешних украинцев, использовал понятия «южнорусский» язык и «украинский» язык как синонимы. Он чаще говорил о южной Руси, чем об Украине. В своей эпохальной статье «Украина», в которой Костомаров призывал украинцев к языковой эмансипации, он писал: «В будущем славянском союзе... наша Южная Русь должна составить отдельное, гражданское целое на всем пространстве, где народ говорит южнорусским языком». Завершается же статья так: «Пусть же ни великороссы, ни поляки не называют своими земли, засеянные нашим народом».

Украинская национальная идентификация сегодня ближе к народной почве, а потому она сравнительно легко заземляется, входит в обыденную жизнь. Еще двадцать лет назад в Киеве никто не говорил на украинском языке, по крайней мере, на улице. Сегодня в столице независимой Украины везде слышится «рідна мова».

Несмотря на то, что до распада СССР в УССР на украинском языке говорило не более 40% населения, есть основание предполагать, что украинизация Украины будет доведена до конца и, прежде всего, среди этнических украинцев. Украинский язык из крестьянского быстро превратился в общенациональный.

Другое дело, что в этой привязанности новой украинской идентификации и новой украинской культуры к крестьянской культуре с самого начала были заложены элементы провинциализ-

ма. Подтверждаются опасения Н.С. Трубецкого, что новая украинская культура не может на равных конкурировать с общерусской как универсальной многонациональной культурой. Это сейчас осознает элита новой независимой Украины. Становится очевидным, что вырваться через украинский язык в мировой культурный процесс намного труднее, чем через русский.

Тем не менее складывается впечатление, что новая украинская идентификация формируется быстрее, чем новая русская идентификация. Новая украинская идентификация именно в силу того, что украинское обозначает прежде всего народное, этнографическое, носит национальный характер. В этом совпадении национального, государственного и этнического и состоит прочность новой украинской идентификации.

В украинской национальной идентификации государственный элемент, ощущение себя гражданином независимой Украины, подчинены этническому, этнографическому. В новой России, напротив, государственный элемент национальной идентификации превалирует над этническим, народным.

В привязанности украинской национальной идентификации ко второму, фольклорному слою старорусского языка и состоит ее естественное, органическое отторжение от всего общерусского как верхнего, чужого. По этой причине Украина, которая еще не стала Украиной, не может позволить себе сделать русский язык вторым государственным языком. Русский язык как более позднее, универсальное и в этом смысле более сильное образование, самим фактом своего существования вытесняет, расщепляет фольклорный южнорусский язык. За противостоянием нынешней украинской национальной идентификации так называемой русско-имперской стоит старое, классовое, а потому эмоциональное противостояние крестьянского южнорусского языка барскому русскому.

Все эти фундаментальные различия в формировании и новой российской и новой украинской идентификации во многом детерминируют нынешнее постепенное удаление Украины от России. Инерция складывающейся более ста пятидесяти лет украинской национальной идентификации как бунта против всего русского очень велика, и нейтрализовать ее очень сложно. Хотя сейчас это сделать легче, чем 10 лет назад. Но все же Украина, чтобы стать Украиной, должна была двигаться от России в сторону Польши, Запада. И этому процессу, по крайней мере, на первоначальных этапах становления новой украинской государственности, трудно помешать. Столь же очевидно, что на первых этапах становления новой украинской государственности галицийское, как более укорененное, должно было довлеть над украинским как южнорусским в силу своей исходной исторической и геополитической отдаленности от России.

Нынешняя драма естественного движения Украины на Запад от России коренится в самой логике распада СССР, распада исторической России, и к ней надо относиться как к неотвратимому явлению.

Драматизм нынешней ситуации осложняется внутренними противоречиями становления новой российской идентификации, которая по определению должна быть, прежде всего, государственнической. Если для становления новой украинской национальной идентификации достаточно было глубоко войти в глубины южнорусского народного сознания, идеализировать украинский фольклор, казачьи традиции, народную душу, то новую российскую идентификацию не создашь только с помощью какой-либо национальной идеи. Успех формирования новой российской национальной идентификации зависит, прежде всего, от государственнической деятельности новых российских властей. Укоренение новой российской идентификации зависит от наших успехов на пути укрепления целостности Российской Федерации, консолидации новой России.